

НИКИТИН АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

**ТРИГРАММА КОСМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
(Наука, религия, мистика)**

Итоги тысячелетий духовных устремлений человека

На исходе XX века, столь щедрого на сенсационные потрясения ума человеческого, можно констатировать ещё один парадокс, требующий, по-видимому, самого серьёзного осмысления: неуклонный, постоянно растущий интерес человека к тому, что определяется несколько расплывчатыми словами — «мистика», «мистицизм». Оттенки их смысловых толкований чрезвычайно разнообразны, как то случилось и с другими словами, заимствованными из древности, но с той поры претерпевшими множество метаморфоз в сознании тех, кто их использует. Рекомендую интересующимся соответствующие статьи словарей и энциклопедий, здесь я ограничиваюсь только одним аспектом этого термина, который не получил в них достаточного освещения, хотя, на мой взгляд, именно он в наше время является определяющим.

В данном случае под «мистицизмом» я подразумеваю умонастроение человека, определяющего собственное бытие не в координатах только нашего четырёхмерного мира, но в иерархии духовной структуры мироздания в целом. Это специфическое состояние человека, уверенного в бессмертии своей духовной сущности, её эволюции «в мирах и веках», в её бесконечных воплощениях, направляемых свободной волей и развивающимся сознанием.

Конечно, подобное определение не исчерпывает всех возможных и, вероятно, необходимых признаков того, о чём я намерен говорить ниже, однако, если и расходится в какой-то мере с привычными определениями, то не противоречит им, поскольку предполагает наличие двух главных признаков: 1) существования сил, проявляющихся за пределами физических констант, и 2) личностный, т.е. не поддающийся экспериментальной проверке, характер взаимодействия (диалог) с этими силами и возможность их постижения. Последним определением я ухожу от необходимости использования термина «божество» по неопределённости его содержания и потому, что человек вступает в контакт не с ним лично, а всего только с теми или иными его проявлениями. И всё-таки — диалог... с Богом?

Возможна ли такая постановка вопроса в конце XX века, ознаменованного, как я уже заметил, самыми грандиозными достижениями позитивной науки — проникновением в тайны макро- и микромира, к истокам высшей нервной деятельности, к практической геной инженерии и потрясающим наше воображение представлениям о Вселенной и Человеке, которые мы можем осознать только в самых общих чертах? Тем более, что на протяжении долгих предшествующих десятилетий мы искренне считали, что этот успех обусловлен успехом сугубо материалистического взгляда на природу и общество.

Между тем, несмотря на такие открытия, на их реализацию и даже утилизацию в повседневной жизни, начиная от генетики, медицины, создания искусственных веществ и соединений и вплоть до широкомасштабных космических проектов, налицо совсем иное. Будущий историк и социолог наверняка заметит, что, начиная с XVIII века, наряду с развитием материалистических взглядов, с развитием позитивной науки, по мере накопления всё новых знаний, встававших в резкое противоречие с религиозными воззрениями минувших столетий, параллельно развивался ещё один взгляд на окружающий человека мир, который утверждал в нём наличие иных, ещё не познанных сил и иных измерений, а потому требовал иного подхода к решению гносеологических и мировоззренческих вопросов.

Больше того. Можно заметить, что когда в XIX-XX веках массовые конфессии (и

не только в России) испытывали серьёзный кризис, их успели потеснить множество различных обществ и сект, основанных на мистицизме, сочетающем самые разные элементы западных и восточных религий, философских доктрин и в ещё большей степени — самодеятельности.

Само по себе сектанство не вызывает удивления. Оно неизменно сопутствовало великим религиям, в свою очередь развившимся из маленьких групп и сект, возникавших в малокультурных слоях общества и лишь потом получавших в своё распоряжение весь арсенал культурных ценностей. Однако такое дробление и отпочкование обычно определялось именно религиозной окраской, т.е. было связано с определённой конфессией и практически не выходило за границы её распространения.

Современный же феномен мистицизма, распространяющегося, в первую очередь, среди наиболее образованного и интеллектуально активного слоя общества — в среде интеллигенции, научных и творческих работников, среди людей социально активных, думающих и читающих, — нельзя свести только к религиозным вопросам. Скорее наоборот: мистицизм как бы упраздняет необходимость религиозных догм и церковных установлений, утверждая ненужность традиционных посредников между человеком и Богом, тем более что и сам Бог в мистическом сознании современности претерпел известную деперсонализацию, став более символом, вектором движения духа, чем непосредственным Творцом вселенной.

В свою очередь и мистика стала восприниматься уже не как личностный опыт общения с Божеством в результате озарения (благодать) или подвига (награда), а как обращение человека к загадке своего «внутреннего я», его соотносённости с окружающими людьми, природой, миром, наконец со всем мирозданием, предстающим некой иерархической структурой, отражающей одновременно проявление («воление») самого Божества.

Можно утверждать также, что современный мистицизм не просто упразднил ритуал (культ), но, что особенно важно, ввёл как обязательный момент понятие имманентной телеологичности, иными словами — изначально заложенной целевой программы во всём, что проявляет себя в мире и подчинено законам прогрессирующей эволюции. Не менее существенен при этом факт перехода группы явлений, относимых некогда к сфере исключительно религиозно-мистического опыта (магия, мантика, гипноз, телекинез, ясновидение), в категорию объектов научного исследования, что само по себе можно расценивать как наведение первых «мостиков» между мистикой и наукой, в принципе упраздняющих необходимость религиозных подходов к этим вопросам.

Ситуация, в которой «нетрадиционная медицина» в ряде случаев ещё пользуется квази-религиозной оболочкой, выступая под маской той или иной конфессии (православное целительство, ламаистская школа медицины, исламская традиция), не опровергает такое утверждение, поскольку может быть объяснена различными причинами, начиная от «моды» и кончая привычной тому или иному целителю конфессиональной ритуалистикой, с помощью которой он вступает в контакт с действующими через него силами. И хотя о самих этих силах современная наука не может сказать ничего, кроме того, что они — как видно — существуют, хотя и не поддаются в полной мере фиксации имеющимися в её распоряжении приборами, их уже следует рассматривать не в качестве «сверхъестественных», как то было ещё недавно, а вполне естественных, только ещё не получивших прав гражданства в традиционной системе знаний.

Момент, когда это произойдёт, — всего только вопрос времени. Думаю, что выскажу мысль, владеющую умами многих, предположив, что в таких проявлениях «сверхъестественного», отмечаемых за последнее время у всё растущего числа людей на земном шаре, в первую очередь у детей, мы имеем дело отнюдь не с атавизмами, не с наследием первобытного прошлого, а, наоборот, с результатом естественной эволюции человека как вида. Эта эволюция была напрямую обусловлена развитием за последние

столетия науки и техники, которые, с одной стороны, высвободили время для саморазвития личности, облегчили человеку труд и тем самым дали возможность приобрести более утончённое восприятие красок, звуков, образов, ощущений, а с другой — поместили современного человека в мощные энергетические поля городских агломераций, которые не могли не способствовать развитию его собственных биоэнергетических потенциалов.

Вряд ли я ошибусь, предположив, что здесь перед нами открывается основная линия эволюции человека, освобождающегося от прежней зависимости по отношению к окружающей природной среде и начинающего развиваться в совершенно определённом направлении под воздействием созданной им самим «второй природы». Мне могут возразить, что, развивая новые парапсихические способности, т.е. физиологически эволюционируя, современный человек слишком мало продвинулся в своей нравственной эволюции. Но, во-первых, разговор идёт об эволюционной линии развития человека как вида, в которой я вижу подоснову развития современного (да и прошлого) мистицизма, о чём буду говорить далее, а, во-вторых, моральная структура личности в гораздо большей мере зависит от общества, в котором личность живет, чем от физико-энергетических характеристик среды обитания.

Последнее вынуждает нас обратиться к третьей вершине «магического треугольника» человеческого сознания, который образуется знанием позитивным (наукой), знанием интуитивным (мистикой) и знанием иррациональным (религией), одновременно поставив вопрос: влияет ли знание само по себе на моральную структуру личности?

Что касается позитивной науки, имеющей дело с явлениями физического мира, вопрос этот давно решён: жажда знания, как такового, была заложена в человеке изначально в качестве его обязательной программы, что прекрасно проиллюстрировано библейской историей со Змеем: до этого он мог существовать лишь в «реторте гомункулуса», то есть в «раю». Только мощный стимул устремления к познанию мира делал человека способным «овладеть» этим миром, превращал его в «со-работника Бога» по упорядочению космоса.

Вот почему, несмотря на использование в антропологии различных видовых определений для человека, необходимых в практических целях, сам род Homo изначально был «познающий», ибо это то, чем он занимался с того самого момента, как выделился из животного царства.

Человек познавал мир, чтобы преобразовать его сначала в пределах биосферы, а затем, если следовать В.И. Вернадскому, создал «ноосферу», то есть выступил космической (планетарной) силой неизвестного ранее ранга. Этот факт в иерархическом отношении ставит человека на самую вершину пирамиды планетарной жизни, как её конечный продукт, своего рода «венец творения», налагая на него, как лишь теперь он начинает понимать, весьма жёсткие обязанности в отношении собственной «разумности» и порядочности.

Причиной такого осознания стала именно наука, прошедшая долгий путь сбора и обработки информации, которая, в свою очередь, всё больше и больше диктует нам те или иные решения, направляя наше внимание на определённые области знания и проблемы космического ранга. Она, эта наука, то есть определённая система получения, обработки и использования знаний о мире и человеке, дала нам множество сведений, кроме самого главного: что же такое сам человек? Что мы собой представляем? Зачем появляемся на свет и почему умираем в тот момент, когда, как нам кажется, только начинаем что-то понимать и в чём-то разбираться? Почему «венец творения» в системе мироздания оказывается всего лишь игрушкой случайностей, не обладая никакой абсолютной ценностью в бесконечности вселенной и весьма относительной — на протяжении своей краткой и полной превратностей земной жизни? Эти вопросы человек начал задавать себе с того самого момента, как почувствовал себя человеком. Возможно, когда-нибудь мы

узнаем, что эти же вопросы возникали ещё у его предков, а, может быть, и у некоторых из его современников — животных, с которыми он оказался особенно тесно связан. Сейчас мы знаем, что животные обладают своим языком, что они вовсе не «бессмысленные и бессловесные» создания, а поведение современных «диких» животных, в полном смысле слова обитающих среди людей (известно, сколько «диких» животных живет в наших городах) и, без преувеличения, стремящихся к общению с человеком (раньше это могли наблюдать, главным образом, отшельники), позволяет предположить, что образование «ноосферы» и изменение силовых (энергетических) характеристик Земли в результате человеческой деятельности не прошло бесследно и для эволюции животного царства.

Так почему же на поставленные вопросы наука не давала и не могла дать ответа? В первую очередь потому, что она была позитивной наукой. Она изучала человеческое тело, его строение и физиологию, и уверяла, что это и есть собственно человек. Она рассматривала возможность появления жизни в космосе и на планетах, искала следы эволюции жизни на Земле и приходила к выводу, что, поскольку шансы на возникновение таких условий на других планетах ничтожны, жизнь на Земле «зародилась» случайно. Отсюда следовало заключение, что человек — явление не только эфемерное, но и случайное, так что никакой «миссии» (цели) он в себе не несёт, а его стремление к познанию и преобразованию мира — всего только результат определённой структуры мозговых клеток.

Будь это действительно так, прирождённый дар познания, приведший к такому итогу, стал бы убийственен для человека и человечества. По счастью, вероятно, с того самого момента, как указанные вопросы без ответа приобрели осязаемую остроту, у человека в качестве противовеса пробудилось то, что именуют обычно «религиозным чувством». Оно коренилось в интуиции и в тех «сверхчувственных» ощущениях, которые на протяжении тысячелетий служили питательной средой для мистицизма.

Если наука явилась способом экспериментального постижения мира, то религия взяла на себя попытку его объяснения — объяснения, собственно говоря, не самого мира, а структуры мироздания в целом, став разграничительным барьером между логикой науки и экстазом веры, являвшемся, в свою очередь орудием «сверхчувственного» познания, поскольку его питала информация иррационального характера.

Религия использовала материал позитивного знания, но в основе своей опиралась на мистицизм — невятное предощущение многих из нас, что человек находится как бы на грани двух и более миров, из которых только один вмещает его физическое тело, а потому является для него безусловной реальностью, в то время как другие остаются спонтанно возникающими и исчезающими феноменами, не оставляющими в памяти ничего, кроме смутно скользящих теней, к которым так присматривался в своё время Платон.

Являются ли эти тени отражением какой-то реальности или сами они всего только фантомы, возникающие в результате несовершенства наших органов чувств, нашей нервной системы, наших собственных дефектов, постулирующих их возникновение и исчезновение? В конце концов, к этому и сводился вековечный спор материализма с идеализмом, в своих крайних проявлениях одинаково склонных рассматривать данную нам в ощущениях реальность только под каким-то одним углом зрения, забывая о многомерности и многообразии мира, открывающегося нам лишь в узком спектре наших возможностей.

Развитие науки в XX столетии (а для математиков — значительно раньше) прояснило тот факт, что уже не в умозрительном плане, а в самой что ни есть практической деятельности человеку сейчас приходится иметь дело с силами, в реальности существования которых мы не можем сомневаться (например, гравитация, магнитные поля, электричество), однако для нас они столь же «нематериальны», как те символы или абстракции, которыми мы их обозначаем и которые, в конечном счёте, так похожи на символический язык средневековых алхимиков, каббалистику гностиков или

образы религиозных иерархий Востока.

Именно поэтому я рискну утверждать, что сознание современного человека полностью дематериализовано и насквозь символистично. Именно развитие науки и её использование приучило человека современного оперировать исключительно символами, за которыми часто нет никакого предметного содержания. И всё же они воспринимаются адекватно людьми на всех концах земного шара, подобно тому как один и тот же китайский иероглиф, имеющий совершенно различную фонетическую огласовку на севере и на юге страны, и там и там передаёт заключённую в нём информацию в неискажённом виде. Не эта ли символистичность мышления, которую впервые открыли в конце прошлого столетия поэты-символисты, а следом за ними и художники, обратила внимание наших современников на духовное наследие древних культур и цивилизаций, увидев в причудливых образах мифотворчества минувших веков символическую тайнопись, отражающую вполне реальные явления физического и духовного мира?

Однако, можно ли говорить о подобной «иероглифичности», заложенной в мистических ощущениях человека, на которой взрастали все религии прошлого? Такой вопрос тревожил одинаково теологов, этнографов и религиоведов, но окончательного своего разрешения не получил, хотя большинство его исследователей склонялись к утвердительному ответу, поскольку в основе всех религий древности (во всяком случае, тех, чьи корни удаётся проследить в достаточно долгой перспективе времён) оказываются схожие мифы, представления, образы и даже обряды.

Таковы идеи потопов, искупления, сошествия учителей (с небес или со звёзд), учение об инкарнациях, метампсихозе и многое другое, что можно, конечно, объяснить заимствованием идей друг у друга, «бродячими сюжетами» или единством психоментальной структуры вида *Homo sapiens*, являющегося единым биологическим видом на нашей планете. Однако для каждого из этих предположений потребовалось бы слишком много оговорок и допущений. Проще предположить, что в основе таких первичных мистериальных предпосылок лежит некая объективная реальность, вызывающая представление об иных мирах и пространствах, об иных силах и иерархиях, с которыми человек связан чем-то, что и является его истинной, непреходящей сутью, проявляющей себя через его физическое тело.

В известной мере, историю религий можно рассматривать как историю трансформации и расшифровки подобных ощущений, остающихся у человека неизменными с глубокой древности до наших дней, поскольку, как теперь выясняется, менялось не их сущностное содержание, а всего только их осмысливание и образное воплощение — всё то, что на протяжении веков питало музыкальное, изобразительное и литературное творчество человечества, выраженное на языке символов той или иной культуры. В этом плане всякое творчество, даже научное, — всегда мистично, потому что за комбинациями традиционных символов у каждого подлинного, т.е. глубоко переживающего художника, открывается его личный мистический опыт — та «гармония сфер», то «проникновение в Зазеркалье», тот «прорыв в параллельные миры», который обогащает наши представления о явлениях и силах, лежащих за пределами возможностей позитивной науки.

На такой базе и возникает религия, как предчувствие и предощущение пробуждающейся в физическом теле духовной сущности, интересы и устремления которой часто оказываются в разительном противоречии со «здравым смыслом» и благосостоянием физического тела человека. Разлад между «физиологическими» желаниями, к которым можно причислить также желания эгоистического и бытового порядка, и духовными (душевными) устремлениями, замеченный человеком очень рано, послужил, по-видимому, толчком к формированию и упорядочению как религиозных воззрений, так и собственно церковных институтов, в центре внимания которых всегда находилось не исследование мира и человека, не обращение мыслей последнего «к звёздам», а всего только организация человеческого социума на определённой территории

и в столь же определённой культурной традиции, если понимать в данном случае под «культурой» не духовную, а повседневную общественную деятельность людей на уровне быта.

Задача управления человеческим обществом накладывала на религиозные институты (церковь) такие же ограничения, как исследование материального (четырёхмерного) мира — на позитивную науку. Питаясь мистицизмом отдельных, канонизированных личностей, допуская его в ограниченных дозах для массового потребления, ни одна из мировых конфессий именно в силу своего положения и своих задач не поощряла (а то и прямо запрещала) мистицизм, как путь получения ответов на «проклятые вопросы», встающие перед человеком.

В свою очередь, религиозные институты пользовались авторитетом и доверием общества до тех пор, пока утверждаемые ими картины мира не вставали в вопиющее противоречие с данными позитивной науки, от достижений и выводов которой с течением времени всё полнее и больше зависели благосостояние и жизнеспособность данного социума. В результате очередного революционного переворота, чаемого всеми без исключения слоями общества, оказывалось, что само общество вынуждено пожинать плоды поистине пирровой победы. Наука, будучи изначально направлена на изучение материального мира, опровергая теоретическое основание той или иной религиозной системы, по существу, вместе с религией уничтожала и построенную на её постулатах мораль, не предлагая ничего взамен.

Кризис веры в европейском мире, начавшийся с восторга материалистов XVIII века по поводу «освобождения человека от Бога», очень скоро привёл «свободное человечество» не к действительному атеизму, предполагающему очень высокий уровень развития личности, не к агностицизму, предполагающему столь же высокий интеллектуальный уровень этой же личности, а всего только к примитивному нигилизму, повергнувшему в отчаяние и ожесточение людей слабых и скудоумных. Следует, впрочем, отметить, что этот же нигилизм заставил людей разумных обратиться к поискам ответов на вопросы, с особой чёткостью поставленные в русской литературе второй половины прошлого века: что я есмь? зачем живу? для чего появился на свет? почему должен страдать? зачем следует соблюдать заповеди, если жизнь даётся один только раз, а потом — «лопух вырастет»?

Эти и подобные вопросы накапливались в человечестве с незапамятных времён. Их задавали поэты Шумера и Аккада, Индии и древнего Египта, мудрецы Китая и Эллады. Но только теперь с развитием науки и падением престижа религии, с разрушением незыблемого (но никогда не выполнявшегося!) кодекса морали, в общих чертах сходного для всех религий и всех культур, эти вопросы поставили под сомнение многое из того, на чём строилась духовная культура предшествующих тысячелетий.

Почему пошатнулись религиозные институты и, в первую очередь, институты христианских конфессий? Почему они теперь вынуждены или уступать своё место возникающим новым сектам, объединениям, общинам, или же модернизироваться, поспевая за модой и требованиями общества? Причин может быть названо много, но истинная причина заключена, как мне представляется, в том, что ни одна из великих мировых религий не смогла объективно ответить на эти вопросы, без разрешения которых в соответствии с данными современной науки человек конца XX столетия отказывается если не жить, то повиноваться.

В самом деле, намного ли отличается в этом плане догматическое христианство от науки, уверяющей, что никакой «души» человек не имеет, а является «всего только» продуктом случайных генетических мутаций, существующим от момента зачатия до момента прекращения своих физиологических функций? Ведь жизнь человеческая, по христианским воззрениям, оказывается всё равно «одноразовой», поскольку наличие у человека бессмертной души гарантирует ему только награду или наказание за прожитую на земле жизнь, но отнюдь не проливает никакого света на её смысл. Иудео-христианские

религии не отвечают на вопрос, откуда и зачем появилась эта «душа», чтобы соединиться с телом, и почему, пройдя в этом теле то очень короткий, то достаточно долгий отрезок жизни, часто приобретая огромный опыт и знания, она обречена на последующую «вечность» абсолютной бездеятельности «блаженства» или «мук».

С точки зрения логики — бессмыслица. Как и в случае с наукой, мировые религии не могут ответить на вопросы «зачем», «для чего» и «почему». Даже буддизм, привлекающий возможностью бесконечных воплощений, то есть возможностью для души активного существования и азартной деятельности (переиграть карму!), в конечном счёте, представляет её будущее столь же бесперспективным, как вращение молитвенных мельниц, установленных на горных потоках Тибета...

Так получилось, что именно развитием знаний человека о себе и о мире XX век поставил вопрос об ограниченности традиционной науки, несостоятельности традиционных религиозных систем и необходимости поисков новых путей для решения кардинальных вопросов человеческого сознания.

Этими путями могут быть те, которые и ранее указывал человеку его мистический опыт, и которые для области паранормальных (аномальных) явлений становятся в наши дни если не прямым объектом изучения, то, во всяком случае, полем чрезвычайно интересной и перспективной работы.

Позволительно спросить: какое это имеет отношение к мистике, если, как мы убеждаемся, подобные явления связаны с открывающимися и развивающимися силами физического тела человека? Это так, но было бы опрометчиво утверждать, что указанные силы исходят непосредственно из человеческого тела, а не проявляются в нём, вызывая некий резонанс. Мне представляется, что то или иное человеческое тело (далеко не каждое!) в определённой ситуации может служить своего рода приёмником, проводником или индуктором для сил, источник которых нам неизвестен и находится, безусловно, за пределами данного организма. Вот почему приходится признать, что всё многообразие паранормальных (аномальных) проявлений, которыми человечество наконец-то заинтересовалось, пока свидетельствует лишь о том, что, кроме регистрируемого наукой «реального мира», существует реальность какого-то иного порядка, с которой в той или иной степени связано и существование человечества.

Что может в этих условиях дать индивидуальный мистический опыт? Только серию наблюдений и ощущений, передаваемых далеко не адекватно. Стоит просмотреть десяток книг и брошюр, появляющихся сейчас в большом количестве, в которых авторы рассказывают о своих переживаниях, видениях, услышанных голосах, приводят надиктованные им тексты или страницы «автоматического письма», чтобы прийти в растерянность от разноголосицы. Но имеем ли мы право, поддавшись первому впечатлению, отмахнуться от заключённого в каждом из таких сообщений «зерна» лишь потому, что оно искажено и обросло множеством «помех», «шумов» и прямых домыслов? Или, как то делали и делают до сих пор представители позитивной науки, — всё это списать на душевные заболевания и невропатию перцепиентов?

Изучая человека как объект, мы только недавно начали догадываться, что изучаем не столько саму личность, то глубинное «я» индивидуума, с которым общаемся, которое ценим, любим или ненавидим, сколько тот физический «дом», в котором эта индивидуальность обитает.

Более того, скопились достаточно веские доказательства, что это «я», сохраняющее сознание после смерти физического тела, способно существовать бесконечно, способно появляться на Земле или в ином месте в новой физической оболочке и даже сохранять воспоминания о своих прежних воплощениях — всё то, о чём знали и говорили мистики, вероятно, ещё в эпохи великих оледенений... Стало быть, надо набраться терпения и найти возможность диалога не с «домом», а с его «обитателем». Как? Здесь придётся обратиться к многовековому опыту мистиков, который до последнего времени третировала и просто отвергала традиционная наука.

Последнее понятно. Мистический опыт не поддаётся (или трудно поддаётся) проверке, однако именно на его основе были построены все великие религии и — вероятно — на его же основе сделаны все великие открытия науки. Мы все помним блестящее положение марксистской диалектики, что «количество переходит в качество», однако смогли убедиться, что даже самые совершенные электронно-счетные машины не могут выдать качественно новый результат, если человек не заложит в них его предпосылки. Да ведь и сам человек делает открытия, как правило, не на числовом (количественном), а на интуитивном (качественном) уровне, когда искомая идея, конструкция, результат возникают в сознании не постепенно, частями, а сразу, целиком, в своём законченном виде. Откуда? Из «ноосферы»? Однако В.И. Вернадский, как мне представляется, под «ноосферой» понимал не создаваемое земным биосоциумом некое «пси-поле», которое окружает планету и к которому могут подключаться медиумы (контактеры, проводники), а ту «вторую природу», которую создал на земле человек для своего обитания.

Между тем, «ПСИ-ОБОЛОЧКА» НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ, по-видимому, существует — она, или что-то подобное ей, — как существуют и другие поля и силовые линии, постоянно несущие различного рода информацию о вселенной, на которую наши внутренние индукторы, наши сокровенные «я» отзываются то глухо, то активно, а чаще всего просто «не слышат». Вот почему мне представляется, что мистический опыт человечества, отражённый в разных преданиях, преображённый в ритуалах, упражнениях, системах взглядов, заслуживает самого пристального внимания на рубеже наступающего третьего тысячелетия нашей эры. К нему, к этому опыту неизменно обращались члены тайных мистических обществ и орденов, надеясь найти пути совершенствования, освобождения своего духовного «я» или методы восстановления того, что мы сейчас осторожно именуем «памятью прежних воплощений».

Стоит сказать, что одновременно предпринимались и другие попытки, направленные в сторону овладения и подчинения стихийных сил, «элементалей», которые на самом деле были не сущностями, а всего только проявлениями сил высшего космического порядка, самой структуры космоса. Надо ли пояснять, почему такие попытки изначально были обречены на провал?

Но дело заключалось, по-видимому, не только в изначальной ошибке несоответствия выдвигаемых претензий к реальности. «Путь мага», на который вступал человек, увлечённый миражом власти и ослеплённый первыми мелкими успехами, всякий раз оказывался ловушкой для личности, отказывавшейся от права первородства за чечевичную похлебку призрачного благополучия. Его ожидало не просто разочарование: человек вступал на недолжный путь зависимости от сторонних сил, на путь разрушения своего истинного «я», не защищённого категориями долга, чести, воли и, конечно же, любви, которая только одна способна соединять людей, миры и молекулы воедино.

Впрочем, эта ситуация давно разрешена в судьбе Фауста. Двойственный образ Фауста, ставшего в какой-то мере символом «европейской души» или «европейского сознания», как мне кажется, не был до конца понят не только современниками И.В. Гёте, но даже им самим. Ведь Фауст потерпел поражение не потому, что страстная тяга к знанию заставила его продать свою бессмертную душу мелкому бесу, а потому, что он сошёл с единственного пути, открытого духовной сущности человека — пути личной работы, личного преодоления препятствий, личного познания добра и зла путём проб и ошибок, которые не только несут в себе знание, но способствуют развитию и преображению человека. Он пал потому, что хотел не служить, а только пользоваться, отдавая за то своё бессмертие, то есть возможность дальнейшей эволюции заключённой в нём духовной монады, которая может развиваться и раскрываться лишь в физическом теле, используемом ею в качестве инструмента познания и преображения окружающего мира. Именно монада рождает в человеке неодолимую страсть к познанию и к активной деятельности, столь отличающие его от всего животного царства, — качество, которое, в

конечном счете, приводит к осознанию личностью (монадой) неслучайности своего существования как одной из действующих созидательных сил мироздания.

Начиная с этого момента, воплощённая монада смотрит на себя уже не как на «центр мироздания», не как на бесцельный феномен сочетания молекул, а как на структурную часть единого универсума, предполагающую активное служение этому целому в сознательной, упорядочивающей его форме.

Другими словами, на определённой ступени познания и самоосознания человек из «твари» превращается в со-трудника и со-работника Творца.

Мистицизм всегда опирался на два основополагающих принципа: духовности, пронизывающей всё сущее, и эволюции, предполагающей саморазвитие «идеи», которая преодолевает косность заключающей её «материи». Мне могут возразить, что ничего подобного в древних и современных мистических учениях нет, что мистики постоянно говорят о различных иерархиях духов, весьма напоминающих бесплотные воинства различных религий, о чудесах, нисхождении духов на землю, об их взаимоотношениях с людьми... Всё это так. Но ведь это — только слова и образы, призванные воздействовать на воображение неискушённых читателей и слушателей; образы, за которыми мы можем разглядеть реалии мироздания, как его угадывает современная наука с её теорией «Большого взрыва» и «расширяющейся вселенной», что, в свою очередь, предполагает неоднократность подобных «пульсаций»... И в этом случае мы не найдём никаких серьёзных расхождений между утверждениями науки и мистики, речь может идти лишь о способах выражения и терминологии, а также о выводах, которые делают представители той и другой.

Действительно, мы знаем, что за пределами нашей Вселенной должны существовать иные вселенные («космосы» мистиков); что развитие жизни на Земле прошло стадию «косности» неорганических форм — от минералов к первым «растениям» и далее к животным, восходя всё выше и выше по мере организации и сложности. И если мы не можем с достоверностью говорить о мире минералов (впрочем, в кристаллах уже отмечен обмен веществ, т.е. безусловные признаки «жизни»), то уже в растительном мире мы обнаруживаем существование «ауры», которая указывает на наличие, кроме физического, ещё и астрального тела, соответствующего понятию «души» — возможно, первого проявления духовной сущности (монады).

Если же признать (а иного выхода нет), что «зарождение» духовных монад происходило в момент «Большого взрыва», то каждая из них должна была пройти свой путь до человека через неорганический и органический миры — с большим или меньшим успехом, с большей или меньшей скоростью, тем самым образуя страты (слои) разных иерархий, заставляющих вспомнить о таких же иерархиях духов, божеств и воинств различных религий.

Вплощающиеся в человеческие тела духовные сущности (монады), с точки зрения мистиков древности и нашего времени, выглядят отнюдь не игрой случая, ибо задачей каждой из них является, с одной стороны, самообучение (т.е. приобретение знаний о мире), а с другой — воздействие на этот мир в том направлении, какое открывается ей как наиболее влекущее и предрасполагающее (миссия). С приобретёнными знаниями и опытом она уходит из «отработанного» тела, чтобы присоединить к накопленному архиву «памяти» (личной или всемирной, представляющей нечто вроде общечеловеческого — планетарного — «банка данных», т.е. того же «пси-поля» или «ноосферы» в её расширительном понимании) новые приобретения, поскольку Универсум не может «самоосознаться» без посредника, каким и является в данном случае воплощённая монада.

Её следующий шаг — эволюция на основе приобретённого, трансформация для новой, более высокой деятельности и очередная инкарнация для продолжения планетарной работы... Если же жизнь физического тела оборвалась слишком рано, или его активность была направлена не на созидание, а на разрушение (природы, общества, личностей, препятствию развития знаний и пр.) из-за несовершенства монады, последняя

вынуждена начинать снова осваивать, эту ступень развития, а в ряде случаев — и возвращаться на более низкие ступени иерархии, чтобы перестроить себя в соответствии с изначальным замыслом.

Я понимаю, что подобная картина, достаточно фантастичная для современного иррелигиозного сознания, может вызвать как недоверие, так и насмешку. Однако стоит ли смеяться над тем, что предстаёт более логичным в свете наших современных представлений о мире и человеке, чем априорные заверения науки в случайности и бесцельности человеческой жизни или уверения церкви, рассуждающей о «божественной механике» мироздания, но не способной заглянуть даже за пределы земной жизни человека?

Быть может, самым поразительным в данной ситуации является тот факт, что предлагаемая мистиками схема (именно схема, а не её всевозможные детализации!) ни в чём не противоречит основным достижениям современной науки. Она предполагает Начало (но не всего Универсума, а только нашей вселенной), кладёт в основу развития принцип эволюции и прогресса во времени (т.е. принцип раскрытия внутренних возможностей и восхождения от простого к более сложному), объясняет причину иерархичности и неравенства монад и, что особенно важно, конечность их множества, не превышающего изначально заданное. Последнее снимает каверзный вопрос о «длительности творения» или «самозарождении душ», который старательно обходит иудео-христианство, и открывает простор для гипотез о «кармических» силах, действующих в мире духовных сущностей, строящих таким образом иерархию духовного мира.

Такая точка зрения объясняет как бессмертие духовного «я» человека и проявляющуюся в исключительных случаях память о предшествующих инкарнациях (которую теперь, вроде бы, удаётся стимулировать искусственным путём), так и наличие существующей объективно, вне человеческого сознания и условий бытия «цели жизни» (миссии) каждой личности, позволяющей оценивать саму эту жизнь в категориях, лежащих за пределами собственно человеческой деятельности и не имеющих ничего общего с теми или иными моральными системами, религиозными конфессиями или экстатическими откровениями.

Другими словами, «добро» и «зло» субъективных и социальных категорий в мистической практике впервые, пожалуй, приобретают значение категорий вневременных, абсолютных, находя подтверждение в учениях великих религий. Мне кажется, что последнее не требует доказательств, но вот они.

Если человечество (а так получается) в целом призвано выполнить (вместе с обитателями множества других миров) определённую миссию космического порядка, то единственным «добром» в таком случае является его внутреннее единение, сплочённость, та заповедь любви и мира по отношению ко всему сущему на Земле, в чём сходятся все великие религии. «Добром» оказывается всё, что соединяет людей, что позволяет каждому человеку работать с наибольшей отдачей и устремлённостью — любовь близких, дружба и помощь окружающих, мир и согласие на Земле. Наоборот, абсолютным «злом» оказывается всё противоположное только что сказанному, что разъединяет людей, препятствует душевной гармонии человека, мешает его творчеству и созидательному труду, разрушает общекультурные ценности, созданные трудом предшествующих поколений...

Добром оказывается и само Учение, вливающее в человека уверенность, что он живёт не впустую, что его стремления к звёздам, к сотворчеству, к преобразованию мира обеспечивают находящейся в нём духовной монаде необходимый рост, и в своём последующем воплощении он будет пользоваться тем, что накопил за эту свою жизнь — может быть, не отдавая себе полного в том отчёта, но пожиная плоды сегодняшних трудов и подаренных окружающим чувств, которые возвратятся к нему сторицей раскрытых сил.

Является ли сказанное определённым итогом развития человеческого сознания? Мне представляется — да. Я попытался ответить на вопрос, почему в наше время, характерное столь блестящими прорывами человеческого познания в самых различных областях науки, вместе с естественным упадком религиозности, когда церковь оказывается скорее одним из элементов традиционной культуры, чем духовного сознания, мы наблюдаем такой безусловный интерес к мистицизму как к определённой структуре мировоззрения.

После приведенных рассуждений я попробую свой ответ сформулировать следующим образом: так произошло потому, что именно мистицизм, связав достижения позитивной науки с иррациональным мистическим опытом человечества, сумел дать непротиворечивое представление о самом человеке, чего до него не могли удовлетворительно сделать ни религия, ни наука.

Впрочем, это не итог, а всего только предпосылка для дальнейших шагов в этом направлении, которые предстоит сделать человечеству, пришедшему к осознанию своей неслучайности во вселенной и возложенной на него миссии, от успеха которой — по-видимому — зависит судьба не одной нашей планеты. Это — тоже испытание, испытание ответственностью, причём как для человечества в целом, так и для каждого из нас, поставленных уже перед необходимостью пересмотреть свои цели, свои устремления и даже принципы личной жизни, поскольку каждый из нас теперь должен осознать, что и он тоже несёт ответственность за судьбу мироздания.

Знание всегда обязывает. Сейчас мы уже не можем сказать, что не знаем, для чего мы живём. Мы не можем сказать, что не знаем своих предшественников, чьи прозрения откладывались в архивы общепланетарного человеческого опыта. Мы не можем сказать, что никто нам не говорил, как следует жить и что́ делать. Обо всём этом говорилось много раз, на разных языках и в разные времена, но теперь мы узнали также, почему это следует делать именно так, а не иначе. Мы узнали, что есть Добро, а что — Зло, но теперь уже по меркам не земного общежития, а всего Универсума.

Собственно, это и есть отправная точка всякого мистика: непосредственный диалог с Абсолютом, исключаящий возможность кривотолков и недоговорённости. И только с этих позиций следует подходить к творчеству мистиков нашего времени и прошлых эпох: помня о совершенстве замысла Абсолюта и о человеческом несовершенстве отражения постигаемых нами истин.